

Жаңохалыжый Вопросъ и автожомія.

Еще нѣсколько дней, и съ трибуны первого парламента Россіи, вслѣдъ за требованіемъ материального устройства рабочихъ крестьянскихъ массъ и обеспеченія основныхъ правъ гражданского существованія человѣка какъ личности, властно раздастся требованіе свободы и самоопредѣленія для одной изъ наиболѣе важной категоріи его общественнаго существованія—національной и національно-территориальной. Тѣ чаянія и ожиданія, которые при всякомъ прослѣкѣ ослабленія старого бюрократического режима поднимались среди угнетенныхъ народностей Россіи, будутъ, наконецъ, воплощены въ правомърное требованіе закономърнаго опредѣленія и огражденія ихъ правъ на свободное существованіе и развитіе.

Годъ тому назадъ этотъ постулатъ негосударственныхъ народностей Россіи былъ поставленъ съ полной определенностью на одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ ея предварительныхъ съѣздовъ—представителей общественной мысли и общественной совѣсти: на весеннемъ съѣздѣ журналистовъ и ученыхъ, признавшихъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полного равноправия всѣхъ народностей и ихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе и развившемъ это понятіе самоограниченія народностей въ требованіе децентрализациіи государственного устройства Россіи съ предоставлениемъ отдельнымъ народностямъ, заселяющимъ определенные части сударственной территории, права на автономію на основахъ, устанавливаемыхъ особымъ органическимъ статутомъ. Сознавая, однако, что понятіе національного равноправия необходимости культурного и общественного самоопределения народностей не достаточно ясно и определенно выражается широкими кругами населения Россіи, стоящимъ

сферахъ такихъ национальныхъ стремленийъ, упомянутый съѣзъ вмѣстѣ съ пожеланіями, обращавшимися по адресу будущихъ строителей Россіи, возложилъ на своихъ сочленовъ обязанность проводить въ сознаніе всего населенія этотъ принципъ признанія за народностями Россіи права на самоопределѣленіе, чтобы приготовить населеніе къ справедливому и разумному разрѣшенію национального вопроса.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта обязанность была принята и соответствующимъ образомъ исполнена организацияю общественныхъ силъ Россіи для борьбы съ буржуазическимъ самовластіемъ, обративъ свою энергию на до-стиженіе основныхъ правъ гражданской жизни и политического самоуправлениа, печать въ дѣйствительности часто склонна была отодвигать национальный вопросъ, чтобы не слишкомъ загромождать этотъ передній планъ сцены, на которой начинать совершаться первый актъ настоящей борьбы общества съ самовластіемъ. Въ стремленияхъ упростить политическую преспективу для общества, эта потребность въ приготовленіи общественного сознанія къ неотложному рѣшенію национального вопроса Россіи, намѣченная представителями печати, удовлетворялась слабо, хотя была, несомнѣнно, вполнѣ реальна и настоятельна.

Что вообще национальный вопросъ въ прогрессивныхъ кругахъ великорусского общества, задававшихъ тонъ победительному движению, не пользовался симпатіями, это фактъ, котораго нѣть надобности скрывать. Не говоря о старыхъ марксистскихъ взглядахъ на национальный вопросъ какъ явленіе реакціонное, свойственное только буржуазному обществу,—въ глазахъ представителей прогрессивныхъ течений понятіе национальности слишкомъ часто компрометировалось формулами офиціальной народности, фактами шовинистического націонализма, націоналистического обскурантизма и нетерпимости. Наиболѣе же сильное вліяніе имѣло то обстоятельство, что великорусское общество не прошло стадіи национального вопроса для себя самого. Выраженіе „господствующая народность“, конечно, звучитъ очень фальшиво въ приложеніи къ старому режиму, державшему всѣ народности Россіи въ поддѣльственнномъ состояніи, но все же великорусская народность (одна изъ всѣхъ многочисленныхъ народностей Россіи) не терпѣла национальныхъ

стѣсненій, которымъ были подвержены прочія народности, и, по пословицѣ „сытый голоднаго не разумѣеть“, не оцѣнивала вполнѣ стихійной силы, жгучести и остроты национального вопроса, которую имѣеть онъ для другихъ народностей Россіи.

Въ результатѣ, среди прогрессивной великорусской интелигенціи наблюдается, если не просто непріязненное, то презрительно-снисходительное отношеніе къ национальному вопросу, какъ къ чему-то запоздалому, отсталому, реакціонному, недостойному „просвѣщеннаго вѣка“ и просвѣщенного человѣка“, и среди выдвигаемыхъ ею проектовъ и плановъ национальный вопросъ сплошь да рядомъ игнорируется совершенно, или дѣлаются исключенія для той или другой национальности, но упускается национальный вопросъ въ его цѣломъ — интересы всего угнетенного населенія Россіи. Къ этому присоединяется и то, что хотѣли устроить представители печати въ своихъ прошлогоднихъ резолюціяхъ призывомъ къ проведенію въ сознаніе массъ насе- и его разрѣшеніи—ссылки на непониманіе и враждебное отношеніе среди населенія (крестьянскаго и мѣщанскаго) къ требованіямъ национальной равноправности, национального самоопредѣленія, национально-территоріальной автономіи и т. д. Ссылки эти въ дѣйствительности должны были послужить мотивомъ къ обходамъ национального вопроса, а стимуломъ къ популяризаціи правильныхъ понятій о важности его и способахъ разрѣшенія. Вѣдь въ средѣ тѣхъ же массъ можно встрѣтиться съ безучастіемъ или оппозиціей ствіе этого не снимались съ очереди, а подвергались усиленному и всестороннему освѣщенію, если считались существенными и неотложными (вспомнимъ хотя бы выясненіе вопроса, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса не можетъ улучшить положеніе крестьянъ безъ гарантій гражданскихъ прав и представительного строя). Нѣть причинъ уклоняться пред такою обязанностью и по отношенію къ национально-вопросу.

Я не имѣю намѣренія писать апологію национально-какъ необходимой, т. е. неизбѣжной, неустранимой фор-въ которой проявляется развитіе человѣчества; напомин-что вслѣдствіе этой неизбѣжности всякаго рода огранич-

одной національности им'ють своїмъ результатомъ за ея счетъ другой національности, а не какихъ-либо національныхъ формъ; что, являясь прежде всего *развитіе* національныхъ формъ; она вовсе не предрѣшаетъ содержанія, заключаемаго *формой*, формой, и, не сочувствуя націалистическимъ крайностямъ, можно и должно стремиться къ тому, чтобы эта форма им'ла болѣе достойное содержаніе, а не отрицать саму форму, и т. д. Я хочу только припомнить, что, даже принимая національность за низшую форму, въ которую укладываются отношенія человѣчества, необходимо считаться съ фактомъ, что миллионы людей мыслятъ и чувствуютъ эти отношенія въ этой формѣ, и, устанавливая *modus vivendi* будущаго, нужно принимать въ соображеніе и свободу самоопредѣленія съ національной точки зрењня для народностей, входящихъ въ составъ государства. Такъ точно, какъ не придавая значенія конфесіональнымъ различіямъ, въ основу гражданскаго порядка мы кладемъ также полную свободу религіознаго самоопредѣленія. И какъ единственнымъ средствомъ иммунизациіи религіозныхъ различій, устранивъ на общественные и политическія отношения осталася признаніе полной религіозной свободы и равноправія, такъ и устранивъ "національные вопросы", освободить культурное и экономическое развитие общественныхъ и политическихъ отношений отъ національныхъ усложненій возможно лишь, предоставивъ отдельнымъ народностямъ возможность полнаго свободного развитія.

Но эта возможность не осуществляется голословнымъ признаніемъ права національностей на свободное развитіе пресловутаго § 19 австрійской конституціи, признающаго равныя права за всѣми народностями, между тѣмъ какъ на практикѣ эти права сводятся къ формуламъ: а ну-ка попробуй „вырви, если хочешь им'ть“, какъ формулировалъ отношенія народностей одинъ откровенный національный просвѣщавшій меня на первыхъ порахъ моего знакомства съ практикою австрійской конституціи. Конституціонные формы даютъ если не возможность, то, по крайней мѣрѣ, иллюзію возможности этого вырыванія, и оно дѣйствительно сдѣлалось руководящимъ мотивомъ внутренней жизни Австроїи въ послѣднія десятилѣтія, парализовавъ національную борьбою экономическое, культурное и общественное развитие страны. Если свобода національнаго самоопредѣленія

является интегральною составною частью правъ личности, то возможность национального самоопределения личности, возможность национального развитія однѣми гарантіями правъ личности не обезпечивается. Политическую свободу нерѣдко пробуютъ соединить съ усиленнымъ покровительствомъ господствующей національности, граничащимъ съ подавлениемъ всѣхъ прочихъ народностей; конституціонный строй, радикальный республиканизмъ и соціальный радикализмъ могутъ соединяться на практикѣ съ непризнаніемъ или игнорированіемъ возможности свободнаго національного развитія для извѣстныхъ народностей, входящихъ въ составъ государства.

Конечно, если при этомъ приходится подавлять стремленія негосударственныхъ народностей силою запрещеній или цѣлою системою національной политики,—неизбѣжноискажается весь государственный строй. Нельзя воспитать въ обществѣ и въ правительстве чувство справедливости и законности, если эта справедливость и законность простираются только до извѣстной черты, за которую начинаяется гнетъ и безправіе. Искренніе друзья обновленія Россіи, конечно, не будутъ сознательно стремиться къ такому по рядку, который, признавая политическую и гражданскія права народностей, кромѣ господствующей—великорусской, и, замѣческимъ строемъ конституціоннымъ, будетъ и впредь держать въ состояніи національного угнетенія всѣ или хотя бы для себя, ограничивая чужую свободу, и тюремщикъ—такой узникъ. Гнетъ національный, или какой-либо другой, въ государствѣ, будетъ ли оно бюрократическимъ или конститу мілітаристическимъ строемъ, и, конечно, о подобныхъ вещахъ искренніе друзья свободы не мечтаютъ. Но иное дѣло въ государствѣ и подавленію прошихъ, иное дѣло—создать условия, въ которыхъ народности государства п чили бы возможность своего національного развитія были бы въ немъ стѣсняемы.

Простой ираціональный, кажется—единственно раціо-

ный путь къ созданію этихъ условій указываютъ **принципы** выдвинутые въ упомянутой, старой резолюціи представителей печати: широкая децентралізациіа государства и организація самоуправліенія въ національныхъ територіяхъ, опредѣляемыхъ ихъ національными границами. Только эти мѣры могутъ иммунизировать національный вопросъ, свести его если не на-нѣть, то до весьма небольшихъ размѣровъ, въ которыхъ его разрѣшеніе не будетъ предоставлять, при такой принципіальной постановкѣ вопроса, уже никакихъ затрудненій. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и представліеніемъ ей широкаго самоуправліенія, національность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нечто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ соображеній не требующее, въ простую почву для усовершенствованія этихъ экономическихъ и культурныхъ отношеній. Какъ всѣ такія стихійныя категоріи человѣческой жизни, она исчезаетъ изъ обихода, какъ только исчезаютъ стѣснявшія ее условия. Перефразируя известное изреченіе польского поэта, можно сказать, что національность, подобно здоровью, заставляетъ собою заниматься тогда, когда въ немъ чувствуются стѣсненія и недостатки, когда нѣтъ для національности свободы существованія и развитія.

Поэтому, одинъ изъ первыхъ основныхъ законовъ новаго порядка долженъ установить, какъ общую норму, -- самоуправліеніе національныхъ территорій вездѣ, гдѣ известная національность является преобладающей на нѣкоторой сплошной территоріи, опредѣляемой національными границами и достаточной для организацій на ней областного самоуправліенія. Такой минимумъ, впрочемъ, нѣтъ нужды поднимать высоко, такъ какъ мы не видимъ, чтобы небольшія самоуправляющіяся провинціи въ разныхъ странахъ терпѣли какія-либо существенные неудобства отъ своихъ малыхъ размѣровъ. Другой такой основной законъ долженъ опредѣлить права національныхъ элементовъ, составляющихъ меньшинство населенія или заселяющихъ территоріи съ смѣшаннымъ населеніемъ, не поддающихся размежеванію. Установленіе не-высокаго минимума для національныхъ территорій и тщательное установленіе національныхъ границъ въ весьма значительной степени сократятъ пространство такихъ смѣшанныхъ территорій, составляющихъ принадлежность нынѣ-

шихъ административныхъ подраздѣленій, болѣе или менѣе случайного происхожденія.

Я обращаю особеное вниманіе на необходимость всеобщности такого закона: онъ долженъ обнимать всѣ народности. Нѣть совершенно никакихъ разумныхъ и справедливыхъ основаній дѣлать выборъ между народностями, требовать отъ нихъ какой-либо культурной или исторической метрики, или обусловливать предоставление національной автономіи особеннымъ напряженіемъ національныхъ стремленій, которое становилось бы опаснымъ для интересовъ государства.

Если мы настаиваемъ на необходимости полнаго равноправія гражданскаго и политическаго для всѣхъ, безъ различія культурнаго и экономическаго ценза, возраста, историческихъ и культурныхъ традицій; если такой же равноправности мы требуемъ для всѣхъ религіозныхъ исповѣданій, не ставя для нихъ никакихъ критеріевъ цѣнности, традиціонности, напряженности, то какъ можно дѣлать какія-либо принципіальныя различія относительно такой стихійной формы человѣческаго существованія, какъ національность? Кто присвоить себѣ право выдавать свидѣтельство на право національного самоопределенія? Кто дерзнетъ ставить отмѣтки національной самодовлѣемости данной народности? Конечно, никто не можетъ претендовать на такія компетенціи. Всякая народность—отъ самыхъ большихъ, какъ свыше двадцатипятимилліонная украинская и десятимилліонная польская, и нѣсколько десятковъ тысячъ,—независимо отъ того, расположена ли она историческими актами вродѣ акта присоединенія Украины къ Москвѣ, или присоединенія Грузіи къ Россіи, достигла ли она вершинъ культуры или только двигается къ нимъ,—должна получить полную возможность развитія на своемъ національномъ основанії.

Принятіе рѣзкой напряженности національныхъ стремлений за условіе признанія національныхъ правъ, національной терроріальной автономіи напомнило бы примитивную медицину доброго старого времени, не знавшую гигіиену и профилактики и считавшую нужнымъ заниматься только „опасными“, рѣзко выраженнымъ болѣзнями, свидѣтельствующими о полномъ разстройствѣ и извращеніи нормальныхъ функций организма. „Мудрые правители“, начинаяш

думать о томъ, что нужно „что-нибудь сдѣлать“ для национальныхъ требованій, когда неудовлетворенность национальныхъ требованій, раздраженіе, причиняемое населенію, на этой почвѣ, выводить изъ естественныхъ границъ национальныхъ чувства, создаетъ гипертрофию национализма. и заставляетъ развивать свою энергию въ сферѣ национальныхъ стремленій за счетъ другихъ, болѣе положительныхъ сторонъ общественного развитія, — конечно, не соблазнять своею мудростью людей, вдумчиво относящихся къ условіямъ этого послѣдняго. Это тѣ же мудрецы, которые считаютъ нужнымъ что-нибудь сдѣлать для народа не прежде, чѣмъ этотъ народъ теряетъ всякое терпѣніе и довѣріе къ „попечительной власти“. Но, въ сущности, не въ этомъ ли направлѣніи шли и идутъ даже въ настоящую минуту многіе руководящіе представители и органы освободительного движенія, рекомендующіе не выдвигать национального вопроса вообще и, въ частности — вопроса о национально-территориально мъ самоуправлѣніи теперь, а отложить его на неопределеннное время, различать тѣ требования автономіи, которыя диктуются „национальнымъ инстинктомъ“, отъ тѣхъ которыя исходятъ не изъ внушенія националистическихъ страстей, а отъ признанія национально-территориальной автономіи одною изъ основъ нормального государственного строя, и обуславливать напряженіемъ этого „национального инстинкта“, наличностью „большой агитациіи“ ясно выраженнымъ „желаніемъ самого населенія“? Настаивая на томъ, что национальный вопросъ не долженъ становиться на дорогѣ къ разрешенію основныхъ вопросовъ политического, общественного и экономического строя, они очевидно не сознаютъ, что такой постановкою национального вопроса они именно муссируютъ национальные вопросы, заставляютъ всѣ тѣ элементы, для которыхъ рядомъ съ вопросами политического, общественного и экономического порядка существуетъ и вопросъ национальный, дѣлить свою энергию между защитою первыхъ и послѣдняго и развертывать свой фронтъ не только по отношенію централизма справа, но и централизма слѣва.

Одно изъ двухъ: или стоять на точкѣ зренія, признающей национальная стремленія, национальное самоопредѣленіе явленіемъ вреднымъ, считать автономный принципъ также явленіемъ отрицательнымъ, ядомъ, который можно отпустить только въ исключительныхъ случаяхъ и въ возможно

небольшихъ дозахъ, и тогда дѣйствовать по отношенію къ различнымъ національностямъ принципомъ *divide et impera*: стараться объяснить однимъ, что они легче достанутъ исключительныя національныя права, требуя ихъ для себя однихъ, нежели связывая свои требования съ требованиями другихъ народностей, другимъ толковать, что они могутъ получить существенныя уступки, не подымая вопроса о національной автономіи и т. под. Или признавать автономный строй, принципъ широкаго самоуправлія національныхъ территорій необходимымъ основаніемъ успѣшнаго культурно-экономического и политico-общественного развитія для государства такого разноплеменнаго состава какъ Россія—и проводить его какъ одно изъ основаній ея обновленнаго политического строя, не ожидая вспышекъ „національного инстинкта“, ни плебисцитовъ населенія. Думаю, что для людей, оцѣнивающихъ сколько нибудь значение національнаго элемента въ жизни человѣческаго общества нѣтъ мѣста для колебаній: нужно сдѣлать теперь же все возможное для устраненія національного тренія, создать условія для развитія національнаго самоопределѣленія въ конфликтахъ съ развитіемъ общихъ задачъ политического и общественного устройства.

Принципъ терріально-національной автономіи долженъ быть принятъ въ ряду другихъ основаній новаго государственного строя. Для ея осуществленія національный принципъ долженъ быть положенъ въ основу всѣхъ терріально-общественныхъ организаций, начиная съ сельской общины и далѣе—въ основу мелкой земской единицы, всякаго рода избирательныхъ округовъ и провинціальныхъ подраздѣленій—насколько хватитъ данной этнографической терріоріи и національной массы для этихъ округовъ и подраздѣленій. И разъ она достигаетъ того минимума, который можетъ быть признанъ достаточнымъ для образованія управляющейся національно-терріоріальной области, то и долженъ быть организованъ для нея подобный порядокъ самоуправленія.

На вопросъ, какъ широко должно быть самоуправліе этихъ національныхъ областей—на этотъ вопросъ, разумѣется, можетъ быть только одинъ отвѣтъ—какъ можно шире! Старый режимъ старался обеспечить единство государства силою принужденія; новый долженъ имѣть въ виду

силу внутренняго съединенія и дать возможный просторъ развитію народностей и областей въ единствѣ государства; въ этомъ единственный залогъ прочнаго сохраненія этого единства. И въ интересахъ его, въ интересахъ претворенія механическаго конгломерата, сдерживаемаго единственно внѣшнею силою, въ настоящій государственный организмъ, связанный общностью интересовъ своихъ составныхъ частей нужно съ самаго начала стать на вѣрный путь, не затратя драгоценной энергіи на национальное треніе, не заставляя интеллигентное и сознательное меньшинство народностей тратить время и energiю на усилія къ достижению возможности национального развитія, на организацію для национальной борьбы народныхъ массъ и неизбѣжное съ этою дѣятельностью развитіе национального шовинизма, никому нежелательного. Эта энергія нужна для обновленія общественныхъ отношеній, для культурнаго и экономического развитія, и грѣшно направлять ее на национальную борьбу, тратить на национальную пропаганду. А отсрочивать проведение национального самоуправления или ограничивать его лишь некоторыми народностями на первый разъ, повторяю,—равносильно призыву къ национальной борьбѣ, грозящей затормозить прогрессивное движение всего государственного строя и его обновленіе...

Печать, трудящаяся для проведения въ общее сознаніе принциповъ освобожденія и принявшая полгода тому назадъ обязанность „проводить въ сознаніе всего населенія“ принципъ признанія за каждой народностью „права на самоопределѣніе“, должна исполнить этотъ лежащий на ней долгъ и энергичнѣе проводить въ общественное сознаніе эту идею. Многое дорогое времени прошло безъ ощущительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, и тѣмъ болѣе нужно энергіи и доброй воли, чтобы наверстать это потерянное время.

Проф. Мих. Грушевскій.